

18+

Олеся Скороблева

**Дневник
неудачницы:
Инструкция
по выживанию
в мире
адекватных
людей**

Олеся Скороблева

**Дневник неудачницы:
Инструкция по выживанию
в мире адекватных людей**

«Издательские решения»

Скороблева О.

Дневник неудачницы: Инструкция по выживанию в мире адекватных людей / О. Скороблева — «Издательские решения»,

Знакомьтесь: Лиза, 29 лет. Диплом филолога (беспольный), работа в сером офисе (тоскливая), кот на шее (в прямом смысле). Она уверена, что жизнь прошла мимо. Но в один ужасный понедельник в офис врывается новый начальник, спотыкается о легендарную коробку, а Лиза... начинает защищать коробку. Вслух. При всех. С этого момента её скучная жизнь летит под откос. Это история о том, как быть собой. Со всеми пятнами, нелепостями.

© Скороблева О.

© Издательские решения

Дневник неудачницы: Инструкция по выживанию в мире адекватных людей

Олеся Скороблева

© Олеся Скороблева, 2026

ISBN 978-5-0070-4112-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дневник неудачницы: Инструкция по выживанию в мире адекватных людей.

Глава 1: Офисный планктон и большой срach.

Вы когда-нибудь пробовали выжить в офисе, где кофеварка ломается раз в день, а кулер с водой стоит ровно настолько далеко, что к тому моменту, как ты до него доходишь, жажда уже прошла и наступила старость? Вот и я пробую. Третий год.

Добро пожаловать в мой мир. Мир, где утро начинается не с кофе, а с мысленного подсчета: «Если я сейчас нажму кнопку „дремать“ еще раз, то успею ли я натянуть джинсы в лифте или придется ехать на работу в пижамных штанах?». Спойлер: лифт в нашем доме старый, медленный и с характером. Однажды он так долго ехал, что я успела выучить испанский алфавит по наклейке, и даже поругаться с соседом сверху через переговорное устройство. Сосед был не в курсе, что это я, но осадочек остался.

Я — Лиза. Мне 29 лет. По паспорту. По ощущениям — то ли 15, потому что я до сих пор не понимаю, как работают налоги, то ли 50, потому что спина болит после того, как я неудачно чихнула в прошлую среду.

У меня есть диплом филолога. Для тех, кто не в курсе: это значит, что я могу рассказать вам всё про спряжение глаголов, но понятия не имею, как открыть банковский счет за границей. Это также означает, что я умею красиво ныть. Нытье — это на самом деле высокое искусство, просто пока еще не оцененное современниками. «Ты не ноешь, ты создаешь эмоциональную драматургию повседневности», — говорю я себе каждое утро, глядя в потолок и уговаривая организм встать.

Еще у меня есть кот. Бенедикт. Полосатик с мордой философа, который смотрит на меня как на прислугу. Серьезно, у него есть два режима взгляда: «Ты опоздала с завтраком, ничтожество» и «Я позволяю тебе гладить мое пузо, пользуйся, пока я добрый». Мы живем вместе уже пять лет, и за это время он ни разу не признал моего интеллектуального превосходства. Даже когда я прочитала ему вслух «Войну и мир». Он просто зевнул и ушел спать в тапки. В мои тапки. Наверное, это был такой кошачий вердикт: «Толстой — скука, Лиза — тоже».

В то утро понедельника всё пошло наперекосяк с самого начала.

Сначала у меня закончился гель для душа. Я, конечно, могла бы выйти из ванны и взять новый из шкафа. Но это же понедельник! Вы что, издеваетесь? В понедельник утро — это и так экстремальный вид спорта. Поэтому я мылась тем, что осталось. Если вам интересно,

кондиционер для волос в качестве геля для душа — это ощущение, будто тебя облили сиропом, а потом отправили жить в муравейник. Липко, сладко и насекомые радуются.

Потом Бенедикт решил, что сегодня — идеальный день, чтобы скинуть цветок с подоконника. Прямо в тот момент, когда я проходила мимо. Земля, горшок и остатки моей нервной системы веером разлетелись по комнате. Кот сидел на шкафу и смотрел на меня с выражением: «Я перевыполнил план по разрушениям за этот квартал, можешь меня похвалить».

— Бенья, — сказала я, стоя босиком на мокрой земле. — Ты зачем это сделал?

Он моргнул. Это означало: «Потому что могу. Иди убирай, служанка».

Я убрала. Потому что я законченная размазня, которая позволяет коту управлять своей жизнью. Психолог бы сказал, что у меня проблемы с личными границами. А я скажу, что с Бенедиктом просто невозможно спорить. У него аргумент — когти. У меня — красные полосы на руках и испорченный диван.

Работаю я в конторе с громким названием «Рога и Копыта — 21 век». Да, я знаю, звучит как начало анекдота. Сажу в приемной, хотя приемная — это громко сказано. У нас это просто угол с диваном, на котором спит охранник дядя Петя, и стол секретаря, за которым сижу я. Чем мы занимаемся? Честно? Я сама не до конца понимаю. Кажется, мы перепродаем что-то оптом. То ли канцелярию, то ли надежды. Я склоняюсь ко второму варианту. У нас даже визитки есть: «ООО „Рога и Копыта“. Мы решим ваши проблемы. Нет, правда, мы постараемся».

Офис у нас — отдельный вид искусства. Это такое пространство, где дизайнер, видимо, сказал: «А давайте сделаем всё серым, чтобы люди быстрее умирали от тоски и не просили прибавки к зарплате!». Стены цвета «уставшая больничная палата», столы, которые помнят еще динозавров (потому что на них есть следы от кофе, которым поили этих самых динозавров), и стулья, которые скрипят на все лады. Если у нас в офисе сыграть симфонию, стулья заменят оркестр.

И кондиционер. О, этот кондиционер — наше всё. У него два режима: «Сахара, полдень» и «Арктика, полярная ночь». Переключается он, видимо, по настроению уборщицы тети Зины. Сегодня был режим «Арктика». Я сидела за столом, замотанная в плед, который тайком принесла из дома (выдавая его за «стильный офисный аксессуар»), и пыталась согреть руки о кружку. Проблема была в том, что чай в кружке был холодный, потому что я забыла его заварить. Просто налила воды из-под крана и сижу, делаю вид, что пью. Главное — держать руки занятыми, чтобы никто не попросил что-нибудь сделать.

В офисе было тихо. Бухгалтер Любочка красила ногти цветом «томная бледность» (видимо, под цвет нашего будущего после сдачи отчета). Менеджеры по продажам делали вид, что звонят клиентам, а на самом деле играли в сапера на рабочих компах. Я листала ленту в телефоне и читала гороскоп. Там было написано: «Сегодня вас ждет нечто неожиданное, что перевернет вашу жизнь». Я хмыкнула и подумала: «Ну да, сейчас, размечталась. Максимум — тетя Зина принесет новый мусорный пакет».

И тут дверь распахнулась.

Не просто открылась, а именно РАСПАХНУЛАСЬ, с таким звуком, будто врывается спецназ, а не очередной курьер с документами. Весь офис вздрогнул. Людочка размазала лак по пальцу. Менеджеры синхронно закрыли сапера и схватились за телефоны, изображая бурную деятельность.

На пороге стоял ОН.

Высокий. Темные волосы, немного взлохмаченные. Глаза — такие, что хочется срочно проверить, не забыла ли я принять свои таблетки от галлюцинаций. Одет с иголочки: дорогой пиджак, брюки со стрелками, ботинки начищены до такой степени, что в них можно смотреться, как в зеркало. Весь из себя — «успешный успех» и «мистер совершенство».

Он сделал шаг вперед, окинул взглядом наше серое убожество... и тут же споткнулся.

Прямо об ту самую коробку с бумагой, которую тетя Зина уже месяц обещает вынести. Коробка была легендарная. Она стояла в проходе с тех пор, как я устроилась на работу. Все об неё спотыкались, все её ненавидели, но никто не решался выбросить. У неё был иммунитет. Она была частью интерьера. Как кактус на подоконнике, который все поливают по очереди и который уже давно должен был сдохнуть, но стоит себе назло всем.

И вот наш «мистер совершенство» — БАЦ! — носом в коробку. Портфель вылетел из рук, бумаги рассыпались по полу, галстук съехал набок.

В офисе повисла звенящая тишина. Мертвая тишина. Тишина, в которой было слышно, как Людочка докрашивает ноготь и как у меня в животе урчит от недоеденного утром бутерброда.

Я затаила дыхание. Сейчас он разорется. Сейчас он уволит тетю Зину. Сейчас он сожжет эту коробку лазером из глаз.

Но он сделал нечто иное.

Он медленно поднялся, отряхнул колени, поправил галстук с таким видом, будто ничего не произошло, обвел нас всех торжественным взглядом и... выдал:

— Отличная тактика. Проверка бдительности личного состава. Все среагировали? — он сделал паузу, потом повернулся к коробке и ткнул в неё пальцем. — Вы уволены!

Коробка, естественно, не ответила. Она стояла, молчаливая и невозмутимая, как статуя Свободы, только картонная и с надписью «Ксерокс. Хрупкое».

Повисла пауза. Ещё более неловкая, чем раньше. Менеджеры перестали дышать. Людочка замерла с кисточкой в воздухе. Дядя Петя, который, кажется, проснулся от грохота, выглядывал из-за дивана.

И тут я...

Почему я вообще открыла рот? До сих пор не знаю. Наверное, сработал мой внутренний таракан, который считает, что в любой непонятной ситуации нужно тупить или шутить. Чаще всего у меня получается и то, и другое одновременно.

— Она немая, — сказала я.

Мой голос прозвучал в этой тишине как выстрел.

Все посмотрели на меня. Он посмотрел на меня. Я продолжила нести эту пургу, потому что остановиться уже не могла:

— Ей можно остаться. Она хорошо выполняет свои обязанности. Никогда не опаздывает, не просит прибавки к зарплате и не пьет наш кофе.

Я кивнула на коробку. Коробка, кажется, кивнула в ответ. Или мне показалось от страха.

На лице у него сначала отразилось удивление. Потом растерянность. А потом... он улыбнулся.

Нет, не так. Он УЛЫБНУЛСЯ. Во все тридцать два зуба. Так, что у меня внутри что-то ёкнуло, перевернулось и упало в район пяток.

— Значит, говорите, ценный сотрудник? — спросил он, глядя прямо на меня.

Я покраснела. Я покраснела так, как не краснела никогда в жизни. Кажется, мои щеки могли бы заменить обогреватель в этом ледяном офисе. До меня дошло, что я только что разговаривала с незнакомым мужчиной от лица картонной коробки. И, судя по его взгляду, он не считает это странным. Он считает это забавным.

— А вы, я так понимаю, — он подошел к моему столу и протянул руку, — главный по защите прав коробок?

Я пожала его руку. Ладонь у него была теплая и сухая. Моя, наверное, напоминала дохлую рыбу — холодную и скользкую от нервов.

— Лиза, — выдавила я. — Просто Лиза. А вы... новый начальник?

— Алекс, — представился он. — Новый начальник отдела продаж. И, судя по всему, главный посмешище на сегодня.

— Не переживайте, — ляпнула я. — Вы в очереди на звание главного посмешища только пятый. Впереди — тетя Зина, которая потеряла вставную челюсть в ведре с водой, дядя Петя, который однажды уснул и проспал собственный день рождения, и коробка. Она уже месяц в топе.

Алекс рассмеялся. Заливисто, громко, совершенно не стесняясь. И в этот момент я поняла две вещи.

Первая: у меня на свитере, в который я закуталась, огромное пятно от вчерашнего борща. Оно красовалось прямо на груди, в форме карты Австралии. Я провела с ним всё утро, ходила на работу, разговаривала с людьми... И только сейчас заметила.

И вторая: кажется, этот человек будет мне сниться. А это плохо. Потому что люди, которые мне снятся, в реальной жизни обычно оказываются или женатыми, или придурками, или женатыми придурками.

Но Алекс просто стоял, улыбался и смотрел на меня так, будто я — самое интересное, что случилось с ним за этот день. А ведь день только начинался.

— Лиза, — сказал он, убирая руку. — Я запомню. И вас, и вашу подзащитную.

Он кивнул на коробку, подмигнул мне и пошел в сторону кабинета начальства. Как только он скрылся за дверью, весь офис выдохнул. А Людочка прошипела:

— Лизка, ты дура? Ты зачем с ним так? Это же новый замдиректора! Он нас теперь всех уволит!

— За что? — не поняла я. — За то, что я защитила коробку?

— За то, что ты при нем опозорила контору!

— Люд, — вздохнула я, глядя на дверь, за которой он скрылся. — Эту контору уже ничем не опозорить. Мы сами себе позор.

Я посмотрела на свое отражение в мониторе. Растрепанные волосы, красные щеки, пятно от борща на груди, плечо, присыпанное кошачьей шерстью (подарок Бенедикта на прощание). И улыбнулась.

Ну что ж, новая рабочая неделя началась. Обещали «нечто неожиданное, что перевернет жизнь». Гороскоп не врал. Кажется, моя жизнь только что перевернулась. Или это просто борщ вчерашний дает о себе знать?

Время покажет.

Глава 2: Корпоратив имени моего позора.

Неделя после появления Алекса в офисе пролетела как один долгий, мучительный день, полный нервного тика и попыток выглядеть человеком.

Я вдруг начала замечать то, на что раньше не обращала внимания. Например, что у зеркала в женском туалете жуткий желтый свет, при котором даже Анджелина Джоли выглядела бы как наркоманка со стажем. Что мои волосы торчат в разные стороны ровно настолько, чтобы напоминать метёлку для смахивания пыли. И что офисный стул противно скрипит каждый раз, когда я делаю резкое движение. А резкие движения я делала каждые пять минут, стоило только двери кабинета начальства открыться.

Алекс появлялся в опенспейсе часто. Слишком часто. Проходил мимо моего стола с видом занятого человека, но каждый раз бросал короткий взгляд. Иногда улыбался. Иногда просто смотрел. Один раз, проходя мимо, остановился, посмотрел на коробку (которая всё ещё стояла на своем законном месте), потом на меня и сказал:

— Не уволили ещё вашу протезе?

— Держится, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Характер у неё железный. Вернее, картонный.

Он хмыкнул и пошёл дальше, а я поймала себя на том, что пялюсь на его спину дольше, чем это позволяют приличия и правила пожарной безопасности.

Людочка, конечно, всё заметила. Людочка замечала всё. У неё был радар на чужие романы мощнее, чем у спецслужб.

— Лизка, — прошептала она, подкрадываясь ко мне с чашкой кофе. — Ты чего на него так смотришь?

— Я смотрю на то, как он идёт, — соврала я. — У него походка странная. Мне кажется, у него одна нога короче другой. Надо бы в отдел кадров сообщить, вдруг это производственная травма.

— Дура ты, Лизка, — Людочка разочарованно отхлебнула кофе. — У него ноги нормальные. А вот у тебя, я смотрю, мозги уже набекрень.

И ушла, покачивая бедрами и оставляя за собой шлейф духов «Вечерняя Блудница» (так, кажется, назывался этот запах).

А в пятницу случилось неизбежное.

Начальница отдела кадров, тучная женщина по имени Эмма Арнольдовна, которую все боялись больше, чем налоговой, встала посреди офиса и объявила:

— Внимание! Завтра корпоратив! Тема — «Голливуд». Явка строго обязательная. Кто не придёт — напишет объяснительную, почему он не любит коллектив и, видимо, ворует бумагу из принтера домой.

Офис застонал. Я застонала громче всех.

Корпоратив. Два слова, от которых у нормальных людей поднимается настроение, а у меня начинает дёргаться глаз. Потому что если есть шанс опозориться, я сделаю это с размахом, достойным голливудского блокбастера. Просто у меня талант. Это не проклятье, это дар. Просто дар очень специфический и бесполезный.

— Голливуд, — простонала я, глядя в потолок. — Господи, за что?

— А что такого? — подошёл ко мне Колян из продажников. — Надевай ковбойскую шляпу — и ты уже герой вестерна.

— Колян, у меня нет ковбойской шляпы. У меня есть только вязаный берет, который связала бабушка, и тот с помпоном.

— Ну, надень берет, скажи, что ты французская звезда немого кино.

— Французская звезда с помпоном? Колян, иди работай, пока я не расплакалась прямо здесь.

Вечером я перерыла весь шкаф. Бенедикт сидел на полке и наблюдал за моими мучениями с выражением кота, который смотрит реалити-шоу про деградацию человечества.

— Беня, — говорила я, выкидывая из шкафа очередную кофту. — Мне нужно выглядеть как звезда Голливуда. Как Мэрилин Монро. Как женщина-вамп. Как...

Я вытащила платье, которое купила три года назад на распродаже. Оно было красное, с блёстками и глубоким декольте. В магазине, при искусственном освещении и под уверения продавщицы, что «это сидит на вас как влитое», оно казалось верхом элегантности.

Дома, при свете дня, оно выглядело как сценический костюм стриптизёрши на пенсии.

— Ну и ладно, — решила я. — Голливуд же! Там всякое бывает. Буду я такой... гламурной Мэрилин. Мэрилин из эконом-сегмента.

Я примерила платье. Оно было мало. Нет, не так. Оно было МАЛО. Оно сидело на мне так, будто я вошла в детский наряд и теперь пытаюсь дышать.

Бенедикт заорал. Я думаю, это был смех.

— Заткнись, — огрызнулась я, пытаюсь втянуть живот. — Просто я сегодня выпила лишней воды. Завтра утром буду как огурчик.

Утром я была как маринованный огурчик — помятая и кислая, потому что не выспалась. Платье сидело так же. Живот втягиваться отказывался. Но выбора не было.

Я нанесла макияж. Много макияжа. Очень много. Красная помада, чёрные стрелки, тонны пудры. В зеркало на меня смотрела женщина, которая явно работает на трассе и берёт недорого. Но я решила, что это такой образ — «голливудская дива в кризисе среднего возраста».

— Беня, — сказала я коту. — Дай мне пять.

Бенедикт даже не пошевелился. Он просто смотрел на меня с выражением: «Ты идёшь позорить нашу фамилию? Иди. Я остаюсь сторожить остатки достоинства, которые ещё есть в этом доме».

Я плюнула на кота, надела туфли на каблуках (которые жутко натирали, но ради Голливуда можно потерпеть) и поехала на корпоратив.

Ресторан, где проходило мероприятие, назывался «Шанхай-бар», но к Шанхаю не имел никакого отношения. Это был обычный банкетный зал с золотыми обоями, хрустальными люстрами и пластиковыми стульями. На стенах висели постеры старых фильмов. Кто-то постарался: «Унесённые ветром», «Касабланка», «В джазе только девушки». Рядом с постером «Бриллиантовая рука» висела растяжка «Добро пожаловать в Голливуд!». Видимо, организаторы решили, что Голливуд — это просто всё красивое и с американскими буквами.

Народ подтягивался. Людочка была в платье с пайетками и в тиаре. «Я — принцесса Монако!» — объявила она. Принцесса Монако с перманентом и сигаретой в зубах выглядела специфически. Колян надел ковбойскую шляпу и приклеил усы, как у Чарли Чаплина. Спросите, при чём тут Чаплин и ковбой? Я не спрашивала. Я боялась ответа.

Я прошла к бару и заказала вина. Много вина. Потому что только так можно было пережить этот вечер.

И тут я увидела Алекса.

Он вошёл в зал, и у меня перехватило дыхание. Нет, серьёзно, я реально забыла, как дышать. На нём был идеальный чёрный костюм-тройка. Белая рубашка. Бабочка. Волосы уложены назад. В руке — бокал с виски. Он был похож на Джеймса Бонда. На того самого, из старых добрых фильмов, где Бонд — это стиль, а не просто мышцы и пошлые шутки.

Рядом со мной кто-то присвистнул. Кажется, я сама.

Он шёл через зал, улыбался коллегам, кивал, пожимал руки. А потом увидел меня. И остановился.

Я замерла. Я стояла у барной стойки в своём красном платье, с макияжем «ночная бабочка выходного дня», с бокалом вина в руке и, судя по ощущениям, с дикой паникой в глазах.

Он подошёл.

— Лиза, — сказал он, и его глаза заблестели. — Вы... Вы неотразимы.

Я поперхнулась вином. Буквально. Вино пошло не в то горло, я закашлялась, покраснела ещё больше, из глаз брызнули слёзы. Картина маслом: Джеймс Бонд делает комплимент, а Мэрилин из эконом-класса давится алкоголем и умирает прямо перед ним.

— Всё... всё в порядке, — прохрипела я, вытирая слёзы. — Просто... вино решило со мной познакомиться поближе.

Алекс рассмеялся. Этот его смех — я готова была слушать его вечно. Он не смеялся надо мной. Он смеялся вместе со мной. Это было... приятно.

— Можно вас пригласить? — он протянул руку. — Там, кажется, танцы начинаются.

Я посмотрела в сторону «танцпола» — свободного пространства между столиками, где уже дёргался Колян в ковбойской шляпе под песню из «Криминального чтива». Колян явно пересмотрел сцену с трайси-свингом, но исполнял он её так, будто у него свело обе ноги одновременно.

— Вы уверены? — спросила я. — Там опасно. Там Колян.

— Я рискованый, — улыбнулся Алекс и потащил меня в эпицентр событий.

Мы танцевали. Вернее, мы пытались танцевать, уворачиваясь от локтей Людочки и ковбойских выпадов Коляна. Но между этими попытками мы разговаривали. И это было лучше танцев.

— А вы правда филолог? — спросил он, когда мы отошли к стене, чтобы перевести дух.

— Правда, — кивнула я. — Могу рассказать вам про разницу между совершенным и несовершенным видом глагола. Это очень возбуждает, кстати.

— Не сомневаюсь. А я, знаете, в детстве стихи писал.

— О чём?

— О гусях.

Я засмеялась.

— Серьёзно?

— Ну, не совсем о гусях. Просто одна рифма была: «гуси-карапуси». Я пытался её пристроить в серьёзное стихотворение про любовь. Не пошло.

— А что с гусями вообще? Вы их любите?

Он сделал серьёзное лицо.

— Нет. Я их боюсь.

— Чего?

— Гусей. В детстве меня гусь укусил. За ногу. С тех пор у меня фобия. Как увижу гуся — всё, я в панике.

Я представила себе Джеймса Бонда, который в ужасе убегает от гуся, и заржала. Громко, неприлично, на весь ресторан. Люди обернулись. Людочка показала мне большой палец, видимо, одобряя такое активное общение с начальством.

— Лиза, тише, — засмеялся он. — Вы меня компрометируете.

— Простите, — выдохнула я, успокаиваясь. — Просто... Джеймс Бонд и гуси. Это же готовый сценарий для комедии.

— А вы, значит, девушка Бонда, которая будет сидеть в купальнике и говорить глупости, пока я сражаюсь с пернатыми?

Я сделала загадочное лицо. Надеюсь, у меня не было перекошено пол-лица от титанических усилий выглядеть роковой женщиной.

— Я — девушка Бонда, которая украдет ваш бумажник, пока вы пялитесь на мои... глаза, — сказала я, многозначительно хлопая ресницами. — А на эти деньги мы купим гуся и съедим его. На ужин. В знак победы.

Он смотрел на меня так, будто я только что предложить не съесть гуся, а полететь на Луну. В его глазах плясали чертики. Самые настоящие. Я даже протёрла глаза, проверяя, не кажется ли мне.

— Лиза, — сказал он тихо, наклоняясь ближе. — А вы всегда такая... необычная?

— Это мягко сказано, — вздохнула я. — Обычно я ещё хуже. Просто сегодня я сдерживаюсь, потому что платье слишком узкое и мне не хватает воздуха для полноценного безумства.

— Значит, в другом платье вы ещё безумнее?

— О, да. В другом платье я опасна для общества.

Мы проболтали весь вечер. Я рассказала ему про Бенедикта и его взгляды. Про то, что разговариваю с котом на английском, чтобы он думал, что я интеллигентная. Про то, как однажды перепутала соль с сахаром и испекла торт, который можно было использовать как оружие массового поражения. Он рассказывал про свою бывшую девушку, которая требовала, чтобы он каждый день дарил ей цветы, и однажды он принёс ей букет петрушки и укропа, потому что забыл купить цветы, а на рынке была только зелень.

— Она обиделась, — вздыхал он. — А я думал, зелень — тоже цветы. Только полезные.

— Дура она, — авторитетно заявила я. — Зелень — это прекрасно. Из неё можно суп сварить. А из роз суп не сварить.

— Вы просто идеальная женщина, — улыбнулся он.

Я покраснела. Снова. Кажется, это вошло в привычку.

А потом случилось то, что должно было случиться.

Я пошла в туалет. Идти на каблуках по скользкому полу — это само по себе экстрим. Но когда ты выпила лишнего, а платье сковывает движения, риск возрастает в геометрической прогрессии.

Я вышла из туалета, поправила платье, сделала шаг...

И каблук поехал.

Я взмахнула руками, пытаюсь ухватиться за воздух, но воздух, предатель, не имел ручек. Я полетела. Не красиво, как в кино, где героиня падает в объятия героя. Я полетела как мешок с картошкой — прямо вперёд, выставив руки.

И приземлилась.

Прямо на Алекса.

Он, оказывается, шёл мне навстречу. То ли проверить, не утонула ли я в золотом унитазах, то ли просто случайно. И я врезалась в него со всей дури. Он пошатнулся, но устоял. А я повисла на нём, вцепившись в его пиджак, и мы замерли в позе, которую со стороны можно было принять за страстное танго.

— Лиза? — его голос был где-то над моим ухом. — Вы в порядке?

— Я... — прошептала я, уткнувшись носом ему в грудь. — Я не знаю. Дайте мне минуту, чтобы осознать весь масштаб позора.

Я подняла голову и посмотрела на него. Он смотрел на меня. Близко. Очень близко. Так близко, что я могла разглядеть крапинки в его глазах. Они были серые, с золотыми искорками. Красивые.

— Зато теперь я точно запомню этот корпоратив, — улыбнулся он.

— Вы его запомните, — вздохнула я. — А я буду вспоминать его лет через десять у психотерапевта, лёжа на кушетке и рассказывая, как пыталась убить начальника своим телом.

— Убить? — он приподнял бровь. — А мне показалось, спасти.

— Спасти?

— Ну да. Если бы вы не врезались в меня, вы бы упали. А так... Я ваш спаситель. Джеймс Бонд, спасающий девушку от падения на скользком полу. Звучит как название фильма.

— Звучит как бред, — честно сказала я, но отстраняться не спешила.

Он тоже не спешил меня отпускать. Так мы и стояли посреди коридора, в обнимку, и это было... странно, неловко, но до ужаса приятно.

— Лиза, — сказал он тихо. — Можно задать вам личный вопрос?

— Валяйте, — выдохнула я. — После того, как я на вас упала, у меня уже не осталось личного пространства.

— У вас есть парень?

Я моргнула. Прямо в лоб. Никаких подходов, никаких намёков. Просто — есть парень?

— Нет, — ответила я. — У меня есть кот. И коробка в офисе. И красное платье, которое меня душит. А парня нет. А что?

— Просто интересно, — он улыбнулся и, кажется, слегка покраснел. Да, точно покраснел! Джеймс Бонд покраснел! — Потому что я бы хотел пригласить вас... на свидание. Настоящее. Не корпоративное. Чтобы без Коляна и без риска быть сбитым с ног.

— А как же гуси? — спросила я, потому что тупить — моё второе имя.

— Гусей я возьму на себя, — серьёзно ответил он. — Обещаю защищать вас от гусей ценой своей жизни.

Я рассмеялась. И почувствовала, как внутри разливается что-то тёплое и приятное. Кажется, это называется «счастье». Или «гастрит». Но скорее первое.

— Хорошо, — сказала я. — Но предупреждаю: на свиданиях я ещё более нелепая. Вы рискуете.

— Я рискованный, — напомнил он. — Помните?

Мы вернулись в зал. Я — вся красная, счастливая и с диким ощущением, что это не со мной происходит. Он — спокойный и улыбающийся, но я видела, как он на меня смотрит.

Колян подбежал ко мне с вопросом: «Лизка, чего это вы там с начальником делали в коридоре? А? А?». Я посмотрела на него страшными глазами и сказала:

— Колян, если ты сейчас же не заткнёшься, я расскажу Людочке, что это ты съел её бутерброд с красной рыбой в прошлый вторник.

Колян заткнулся и уполз обратно в свой угол.

Корпоратив закончился. Я ехала домой в такси, смотрела в окно на ночной город и улыбалась. Глупо, по-детски, до ушей.

Дома меня встретил Бенедикт. Сидел на пороге с таким видом, будто всю ночь не спал, переживал.

— Беня, — сказала я, падая на кровать прямо в платье. — Кажется, у меня будет свидание.

Бенедикт посмотрел на меня долгим взглядом. Потом медленно, с расстановкой, подошёл и... лизнул мою руку.

Это было высшее проявление кошачьей любви. Я чуть не расплакалась от умиления.

— Ты одобряешь? — спросила я.

Он ничего не ответил. Просто запрыгнул на кровать, устроился у меня в ногах и замурчал. А я лежала и думала: может, жизнь и правда налаживается? Или это просто вино ещё не выветрилось?

Время покажет. А пока — у меня есть свидание с Джеймсом Бондом, который боится гусей. И это, пожалуй, лучшая новость за последние 29 лет.

3 Глава: Свидание, или Как я чуть не сожгла ресторан и нашу любовь.

Выходные после корпоратива я провела в состоянии, которое врачи называют «посттравматический синдром», а я называю «жизнь удалась, но мозги пока не в курсе».

Я пересматривала сообщение от Алекса раз пятьсот. Ну ладно, тысячу. Оно было коротким и ёмким: «Лиза, вы свободны в субботу? Хочу пригласить вас в одно место. Алекс». Ни смайликов, ни намеков на то, что это именно то самое свидание. Вдруг он хочет обсудить рабочие вопросы? Вдруг это совещание в неформальной обстановке? Вдруг ему просто не с кем пойти в это «одно место» и я оказалась единственной, кто не послал его лесом?

Бенедикт наблюдал за моими метаниями с подоконника. У него был включен режим «эксперт по человеческим страданиям».

— Беня, — простонала я, зарываясь лицом в подушку. — Он написал «в одно место». Это катастрофа. Это может значить что угодно. Может, это шаурмичная у вокзала? Или квест-комната, где нас запрут и будут проверять на совместимость? Или, может, это вообще морг? У него же чувство юмора специфическое!

Кот зевнул, демонстрируя полное равнодушие к моей драме. Его поза говорила: «Ты сама себе придумываешь проблемы, а могла бы просто лежать и греть пузо на солнце. Учись, пока я жив».

В пятницу вечером, когда я уже мысленно похоронила себя и готовилась к выходным в обнимку с сериалами, пришло второе сообщение. Уже с подробностями.

«Заеду за вами в семь. Одевайтесь тепло, но красиво. Это сюрприз. P.S. Гусей не будет, я проверил».

Я взвизгнула. Бенедикт подпрыгнул на месте и посмотрел на меня с таким укором, будто я лично ограбила кошачий приют.

— Он заедет! — заорала я, хватая кота и начиная кружиться по комнате. — Слышишь, Беня? Он заедет за мной! У нас свидание! Настоящее!

Кот терпел ровно три секунды, после чего выпустил когти и напомнил, кто в этом доме главный хищник. Отдирая его от своего плеча, я уже строчила подружке Катьке:

«Катастрофа!!! У меня завтра свидание с мужчиной мечты! Что делать???»

Катька, которая работала стилистом в салоне красоты и знала о жизни всё (и даже чуть больше), ответила мгновенно:

«1. Не паникуй. 2. Завтра в 10 утра приезжай ко мне в салон. Сделаем из тебя конфетку. 3. Купи новое белье. На всякий случай. 4. Не вздумай нести чушь про коробки и гусей. Прикинься нормальной хотя бы на первый час. 5. Люблю, целую, твой ангел-хранитель».

Я посмотрела на список и поняла, что пункт 4 я гарантированно провалю.

Суббота началась с квеста «Где мои джинсы, и почему они снова малы?».

Я перемерила половину гардероба, прежде чем Бенедикт не вышел из спальни и не сел рядом с ворохом вещей с таким видом, будто присутствует на показе местных сумасшедших. Он критически оглядывал каждый мой выход, и по его кошачьей морде можно было читать как по книге.

Черные брюки и свитер? Взгляд: «Ты идешь на похороны или на свидание?».

Джинсы и футболка? Взгляд: «Тебе 15, иди уроки учить».

Платье в цветочек? Взгляд: «Бабушка, а где твои вставные челюсти?».

В итоге я остановилась на том, что Бенедикт просто закрыл глаза и сделал вид, что умер. Видимо, это означало высшую степень одобрения — он просто сдался.

В салоне Катька сотворила чудо. Она уложила мои вечно торчащие волосы в локоны, сделала макияж «я не спала двое суток, но выгляжу как миллион долларов» и вручила мне пакет с платьем, которое купила сама, потому что «ты, Лиза, в магазине купишь мешок и будешь счастлива, а тут надо выглядеть».

Платье оказалось темно-синим, с длинными рукавами, но с таким вырезом на спине, что я чувствовала себя голой. Зато стройнило. Зато цвет шел к глазам. Зато Катька сказала: «Дорогая, если он после этого платья не женится на тебе до конца недели, я лично пойду и спрошу его, в чем дело».

Домой я летела на крыльях. Бенедикт, увидев меня в новом образе, приоткрыл один глаз, долго смотрел, а потом... мявкнул. Коротко и одобрительно. Я чуть не разрыдалась от счастья.

— Спасибо, Беня, — прошептала я, глядя его по пушистой голове. — Ты сегодня такой хороший.

О тут же цапнул меня за руку. Чтобы не расслаблялась.

Ровно в семь раздался звонок в дверь.

У меня остановилось сердце. Честно. Просто взяло и остановилось. Я стояла посреди комнаты в новом платье, в туфлях на каблуках (каблуки! я надела каблуки добровольно!), надушенная и причесанная, и не могла пошевелиться.

— Лиза? — раздался голос из домофона. — Это Алекс.

Я нажала кнопку, открывая подъездную дверь, и заметалась по квартире. Бенедикт наблюдал за этим с интересом зрителя в театре абсурда. Я схватила сумочку. Поправила волосы. Проверила, не торчит ли где бирка от платья. Выдохнула.

И тут Бенедикт подошел к моим туфлям и... начал тереться о них мордой. Оставляя шерсть. На идеально начищенных туфлях. Белую шерсть. На темно-синих туфлях.

— Беня! — зашипела я, отпихивая кота ногой. — Ты специально?

Кот посмотрел на меня с выражением: «Я оставляю на тебе свою метку. Теперь ты везде будешь со мной. Иди, служанка, и помни, чья ты».

Я кое-как отодрала шерсть от туфель, услышала шаги на лестнице и замерла у двери.

Стук.

Я открыла.

Алекс стоял на пороге. На нем было темно-серое пальто, под которым угадывался идеальный костюм. В руках — букет. Нет, не так. БУКЕТ. Огромный, из полевых цветов, который выглядел так, будто его собрали в сказочном лесу эльфы с отличным вкусом.

— Вау, — выдохнул он, глядя на меня. И замолчал.

Я ждала. Он молчал. Я начала паниковать.

— Что? — спросила я, оглядывая себя. — У меня сопля? Шерсть? Бирка? Я знала, что бирка!..

— Нет, — перебил он, улыбаясь. — У вас ничего. Вы... невероятно выглядите. Я просто забыл, как дышать.

Я покраснела. Опять. Моя вечная проблема.

— Спасибо, — пробормотала я, принимая букет. — Цветы прекрасные. Вы как будто мою бабушку ограбили, у нее в саду такие же росли.

Он рассмеялся.

— Это комплимент? Или вы намекаете, что я цветочный вор?

— Это я пытаюсь сказать комплимент, но у меня, как обычно, выходит странно.

— Мне нравится, как у вас выходит.

Мы стояли на пороге, и я понимала, что сейчас произойдет неизбежное — он увидит Бенедикта. Мою квартиру. Мой бардак. Потому что в прихожей, как назло, валялись мои тапки, которые кот снова утащил из комнаты, и пакет с мусором, который я забыла вынести.

— Заходите на минуту? — предложила я, надеясь, что он откажется.

— С удовольствием.

Он зашел. И сразу увидел Бенедикта. Кот сидел в коридоре на самом видном месте, задрав хвост трубой, и смотрел на Алекса с выражением лица прокурора на выездном заседании.

— А это, видимо, тот самый Бенедикт, — сказал Алекс, присаживаясь на корточки.

Кот даже не шелохнулся. Он просто сверлил Алекса взглядом. Я переводила взгляд с одного на другого и чувствовала себя женой, которая представляет любовницу мужу.

— Бенья, — позвала я. — Бенедикт, это Алекс. Помнишь, я рассказывала?

Кот моргнул. Один раз. Это могло означать что угодно — от «приятно познакомиться» до «я запомнил твой запах, человек, и если обидишь мою дуру, я найду тебя и сделаю больно».

— Можно погладить? — спросил Алекс.

— Это опасно, — честно сказала я. — Он кусается. И царапается. И вообще, он считает, что людей гладить нельзя, потому что от них пахнет неправильно.

— Я рискну.

Алекс протянул руку. Бенедикт посмотрел на эту руку так, будто ему предлагают потрогать дохлую крысу. Но... не двинулся с места. Алекс осторожно погладил его за ухом. И кот... зажмурился. И замурчал.

Я чуть не упала.

— Ты что, волшебник? — выдохнула я. — Он никого так не любит. Он даже меня не всегда так любит.

— Просто умею обращаться с кошками, — улыбнулся Алекс, поднимаясь. — У моей бабушки их было пять. Все своенравные. Я научился договариваться.

Бенедикт еще раз посмотрел на Алекса, потом на меня, потом снова на Алекса. В его взгляде читалось: «Ладно, этот проходит первичный отбор. Но я буду следить».

— Нам пора, — сказал Алекс. — А то опоздаем.

— А куда мы едем? — спросила я, накидывая пальто.

— Сюрприз.

Мы спустились во двор, и я увидела машину. Черный внедорожник, который стоил, наверное, как моя годовая зарплата. Или пятилетняя. Я даже не знаю, сколько стоят такие машины, потому что в моем мире максимальный транспорт — это таксующая дедушка на «Логане».

Алекс открыл передо мной дверь, помог сесть. В салоне пахло кожей и чем-то дорогим. Я чувствовала себя Золушкой, которая случайно попала на бал, но в любой момент может превратиться в тыкву.

Мы ехали минут двадцать, болтая о всякой ерунде. О работе, о погоде, о том, что Колян опять опоздал в пятницу и получил выговор. Я почти расслабилась. Почти.

Мы остановились у ресторана. Не просто ресторана, а РЕСТОРАНА. С большой буквы, с золотыми буквами на вывеске, со швейцаром в цилиндре и с такими окнами, что сразу понятно — внутри цены с тремя нулями.

— Вы шутите? — спросила я, глядя на это великолепие. — Я тут не одета. Я тут не обучена. Я тут вилку не в ту руку возьму и опозорю вас на всю жизнь.

— Лиза, — Алекс взял меня за руку. — Расслабьтесь. Это просто ресторан. Там едят люди. Иногда они роняют еду, иногда путают приборы. Это нормально. А даже если вы что-то уроните, я уроню что-то в ответ. Будем квиты.

— У вас есть план на случай моего позора? — уточнила я.

— У меня есть план на случай чего угодно. Я же Джеймс Бонд, забыли?

Мы зашли внутрь. Интерьер был такой, что хотелось срочно проверить, нет ли у меня пыли на плечах и не наследила ли я на мраморном полу. Хрустальные люстры, белые скатерти, официанты в смокингх, которые смотрят на тебя с выражением «я выше этого, но мне платят».

Нас провели к столику у окна. Вид открывался на набережную, на реку, на огни города. Было красиво. Очень. Слишком. Я вдруг остро осознала, что мои руки не знают, куда деваться, а ноги под столом начали мелко дрожать.

— Вам нравится? — спросил Алекс, когда мы сели.

— Я в шоке, — честно сказала я. — Я ожидала шаурму, честно. Или морг. Вы же любите сюрпризы.

— Шаурму? — он приподнял бровь. — С чего бы?

— Ну, вы написали «в одно место». Это может быть что угодно. Вот я и подумала, что шаурма — это безопасно. Там хоть пальцами есть можно, и никто не осудит.

Он рассмеялся. Громко, искренне. Несколько человек за соседними столиками обернулись. Но мне было плевать.

— Лиза, вы невероятная. Честно. Я ни разу не встречал девушку, которая бы на первом свидании в таком ресторане мечтала о шаурме.

— Я просто реалистка, — пожала я плечами. — Шаурма не подведет. Шаурма всегда вкусная. А тут... я даже меню боюсь открывать. Там, наверное, все по-французски.

— Там по-русски, — улыбнулся он. — И я помогу выбрать.

Мы заказали вино. Я попросила бокал красного, надеясь, что оно придаст мне смелости. Официант принес бутылку, показал этикетку Алексу, тот кивнул. Потом официант налил немного в бокал Алекса, тот попробовал и кивнул снова. Я смотрела на этот ритуал как на магический обряд племени Мумба-Юмба.

— Вы всегда так делаете? — спросила я шепотом.

— Что?

— Ну, это... пробуете вино. Я обычно покупаю в магазине то, что подороже, и дома пью из кружки. А тут целый спектакль.

— Лиза, вы сейчас серьезно?

— Абсолютно. Я вообще не понимаю, зачем пробовать, если ты уже заказал. Вдруг оно окажется кислым? Ты же его не вернешь, это же не суп в столовой.

Алекс посмотрел на меня долгим взглядом. В его глазах плясали чертики.

— Вы правы, — сказал он. — Не вернешь. Поэтому я всегда заказываю проверенное.

— Умно, — кивнула я. — Я запомню.

Разговор лился легко. Мы болтали обо всем на свете. Я рассказывала про свои студенческие годы, про то, как подрабатывала продавцом мороженого и однажды уронила рожок на голову ребенку. Он рассказывал про свои командировки, про то, как однажды в Китае его приняли за местного и пытались продать поддельный Ролекс.

— И купили? — спросила я.

— Конечно. За пять долларов. До сих пор лежит где-то, ходит точно, а настоящий я вообще не ношу.

— Гениально. У вас талант к экономии.

— У меня талант к абсурду, — улыбнулся он. — Мы с вами похожи.

Я засмушалась и уткнулась в меню, делая вид, что изучаю десерты.

Принесли еду. У меня на тарелке лежало что-то невероятно красивое: мясо, политое соусом, с овощами, выложенными в форме башни. Я смотрела на это произведение искусства и понимала, что есть это рукой нельзя, а вилкой — страшно, потому что башня рухнет.

Я взяла вилку и нож. Попыталась отрезать кусочек мяса. Оно подпрыгнуло и упало на скатерть. Я покраснела.

— Бывает, — спокойно сказал Алекс, даже не дрогнув.

— У меня сегодня день падений, — вздохнула я. — Сначала я чуть не упала на вас в коридоре, теперь еда падает. К концу вечера, наверное, люстра рухнет.

— Не каркайте, — засмеялся он.

Я справилась с мясом. Потом с овощами. Потом выпила еще вина и расслабилась настолько, что начала рассказывать историю про то, как Бенедикт однажды притащил домой мышь, но не простую, а дохлую, и положил мне на подушку.

— Это был подарок? — спросил Алекс, с интересом слушая.

— Это было предупреждение. Он так показывал, кто в доме добытчик, а кто просто ест и спит.

— И что вы сделали?

— Заорала, завернула мышь в салфетку и выкинула в мусорку. А Бенья потом неделю на меня дулся. Не разговаривал.

— Коты умеют дуться?

— Еще как. Он садился ко мне спиной и делал вид, что меня не существует. Если я проходила мимо, он демонстративно отворачивался. Пришлось покупать ему новый лежак и три пачки вкусняшек, чтобы помириться.

— Вы с ним как супруги со стажем, — улыбнулся Алекс.

— Мы и есть супруги со стажем. Пять лет вместе. Он видел меня в слезах, в гневе, в неглизе и с температурой под сорок. Если это не проверка отношений, то я не знаю, что такое проверка.

Мы заказали десерт. Я — шоколадный фонтан, потому что обожала жидкий шоколад. Алекс — чизкейк. И тут случилось то, что должно было случиться.

Официант принес десерты. Поставил передо мной тарелку с фонтаном. Маленькое пирожное, политое шоколадом, с шариком мороженого рядом. Красота.

Я взяла ложечку. Аккуратно ткнула в пирожное. И из него, как из вулкана, брызнул жидкий шоколад. Прямо на мою грудь. На новое платье. На темно-синее платье, которое одолжила Катька.

Я замерла. Шоколад медленно стекал по вырезу, оставляя коричневый след. Я смотрела на это с ужасом человека, который стал свидетелем собственной казни.

— Лиза? — Алекс смотрел на меня с беспокойством. — Вы в порядке?

— Я убила платье, — прошептала я. — Катька меня убьет. Оно не мое. Она меня убьет и закопает в лесу. У нее есть лопата. Я знаю.

— Это просто шоколад, — попытался успокоить меня Алекс, протягивая салфетку.

— Это не просто шоколад! — воскликнула я, принимаясь яростно тереть пятно. — Это жир! Это пятно! Это конец!

Я терла так усердно, что задела бокал с вином. Бокал покачнулся, упал и разлил красное вино по белоснежной скатерти. Красное пятно расплзлось прямо на глазах, как символ моей никчемности.

Я замерла. Весь ресторан, кажется, замер вместе со мной. Официанты смотрели на нас. Соседние столики смотрели на нас. Даже рыба в аквариуме у стены, кажется, смотрела на нас.

— Я горю, — тихо сказала я. — Я в аду. Это ад. Я умерла и попала в ад, где меня вечно будут мучить шоколадом и вином.

И тут Алекс сделал неожиданное. Он взял свой бокал с вином и... опрокинул его на скатерть рядом с моим пятном.

— Что вы делаете? — ахнула я.

— Симметрия, — спокойно ответил он. — Теперь это не вы разлили, а мы создали абстрактную композицию. Можно назвать ее «Красное и коричневое». Очень по-модернистски.

Я смотрела на него и не верила своим глазам. Он сидел, улыбался, и вокруг него расплзлись пятна от вина, а ему было плевать.

— Вы... вы сумасшедший, — выдохнула я.

— Просто умею ценить искусство, — пожал он плечами. — И ценить женщин, которые не боятся быть собой. Даже если это «быть собой» означает разлить десерт на платье.

Подбежали официанты. Начали суетиться, убирать, извиняться, предлагать компенсацию. Алекс махнул рукой, сказал, что все в порядке, что это он случайно, и попросил счет. И еще одно бокал вина. Для меня.

— Вы прикрыли меня, — сказала я, когда официанты ушли. — Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.